

В. В. Миронов¹ МАРКС И РОССИЯ

Любой человек, живущий в России, не может игнорировать образ Маркса и теорию марксизма, и это касается не только ее профессионального исследования философами, экономистами или юристами, ибо марксизм в одной из версий попытались реализовать в нашей стране на уровне реальной политической практики и господствующей идеологии. Вряд ли какая-нибудь еще социальная теория удостоилась такого внимания и такой степени распространенности в умах мыслителей. Причем степень колебания в понимании и трактовке марксизма в нашей стране была, наверное, одной из самых высоких. Даже сама личность Маркса предстает в российском сознании то в образе героя, а то в области злостного трикстера.

Во многом это можно объяснить доминированием идеократического сознания в российском обществе, которое очень давно было высказано в емкой формуле Ф. Тютчева о том, что «умом Россию не понять» и что

¹ Декан философского факультета, заведующий кафедрой онтологии и теории познания МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Единство разнообразия. Разнообразие единства», «Философия. Введение в метафизику и онтологию» (в соавт.), «Философия: учебник для вузов» (в соавт.), «Размышления о реформе российского образования», «Современные трансформации в культуре», «Человек как субъект и объект медиапсихологии» (в соавт.), «Образцы науки в современной культуре и философии», «Философия и метаморфозы культуры», «Университетские лекции по метафизике» (в соавт.); статей: «Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии», «Противоречивость реформ российского образования», «Трансформация экономики, политики и права в условиях глобализации», «Зачем нам философия сегодня?», «Об особенностях философской рефлексии и смысловом пространстве философии» и др. Председатель докторского Диссертационного совета по философским наукам в МГУ им. М. В. Ломоносова по специальностям «Онтология и теория познания», «Философия науки и техники». Вице-президент Российского философского общества. Главный редактор журнала «Вестник Московского университета. Серия 7. Философия», член редколлегий журналов «Вопросы философии», «Вестник Российского философского общества», «Философские науки». Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» I и II степени, лауреат премии им. М. В. Ломоносова.

в нее «можно только верить», которая западает в сознание наших граждан еще со школьной скамьи. Идеократическое сознание базируется на вере в идею как таковую, а поэтому воспринятая философская теория здесь также приобретает фетишизированный характер. К ней относятся не как к концептуальной модели, а как к некоей ниспосланной свыше системе рецептов переустройства социального порядка. В такую модель необходимо влюбиться почти чувственным образом. И во многом это испытала на себе и теория Маркса, да и сам Маркс как личность.

Не удивительно, что атеистическая теория марксизма для многих ее сторонников в России была своего рода религией, от которой отказались как от государственной идеологии, но которая для многих ее сторонников и сегодня выступает именно в этой ипостаси. Лидеры коммунистической партии нашей страны регулярно подчеркивают близость системы ценностей коммунизма и православия², игнорируя принципиально атеистическое содержание как марксизма, так и марксизма-ленинизма как главных теоретических источников теории научного коммунизма.

Идеократическое сознание деформирует реальное восприятие практического поведения людей, будь то область политики или экономики, которые всегда оценивались прежде всего с идеологических позиций или выступали просто проекцией той или иной идеологической схемы. Реализация идей Маркса в нашей стране приняла характер весьма своеобразной интерпретации марксизма, и «созданный в СССР строй соответствовал Марксовой модели социализма не более, чем общество Древней Месопотамии. В действительности под флагом социализма в стране реализовался вариант описанного Марксом “азиатского способа

² Об этом говорит, например, программная статья Г. Зюганова «Коммунизм и православие»: «Святой долг коммунистов и Русской православной церкви — объединить наш многонациональный народ на основе общих традиционных ценностей добра, справедливости, коллективизма, взаимопомощи и высокой духовности» (см.: <http://newsland.com/community/5392/content/sviatoi-dolg-kommunistov-i-russkoi-pravoslavnoi-tserkvi/5772752>).

производства»¹. Многие фундаментальные положения Маркса, которые якобы использовали их адепты, на практике реализовывались с точностью до наоборот: общественное бытие, которое, по Марксу, должно было определять общественное сознание, оказывалось реализацией самих идей и построения общества по некоей идеологической схеме, в которой «Марксовы базис и надстройка в некотором смысле меняются местами — не власть является функцией собственности, а, наоборот, собственность является функцией власти. Следствием такого устройства является гипертрофированная государственность, тождественная отсутствию гражданского общества»². Это всегда оставалось почвой и для утверждения особой мессианской роли России, ради чего можно было жертвовать настоящим — ради счастливого будущего, что выступало основой официальной идеологии. Такое идеократическое мышление удобно для политиков как средство манипуляции.

Идеократическое общество в смысле государственного устройства всегда стремится к политаризму, когда государственные структуры подминают под себя гражданское общество. И вполне естественно, что из этого вытекает и трактовка власти, которая необходимо связана с вождем как ее олицетворением³.

Удивительно, что в качестве героя в Россию проник образ Маркса, который сам к нашей стране относился, мягко говоря, противоречиво и даже скорее негативно. Это вряд ли было продуктом примитивной русофобии (как иногда считают), скорее проявлением социально-классового подхода, следование которому позволяло сделать выводы о реакционности монархического строя Российской империи середины XIX века. И эти выводы часто приобретали личностный характер, затрагивая русских, которые так или иначе пересекались с Марксом.

В одном из писем к Кугельману Маркс пишет: «Такова ирония судьбы: русские, с которыми я в течение 25 лет непрерывно боролся в своих выступлениях не только на немецком, но и на французском, и на английском языках, всегда были моими “благодетелями”...»⁴. В то же время Маркс был секретарем русской секции Интернационала, изучал русский язык, цитировал Пушкина, среди людей, с которыми он вел диалог, много разных представителей российской интеллигенции. В последние годы жизни Маркс специально и очень вдумчиво работал над проблемой возможности движения к социализму не самых передовых в экономическом отношении стран, в частности России.

В список лиц, к которым Маркс был небезразличен, входят крупные и известные, в том числе и в Европе,

¹ Момдзян К. Х. Социальная философия. Деятельностный подход к анализу человека, общества, истории. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2013. Ч. 1. С. 22.

² Момдзян К. Х. Антропологический аспект российской самобытности // Этнос, нация, ценности: Социально-философские исследования / науч. ред. К. Х. Момдзян, А. Ю. Антоновский. М.: Канон+, 2015. С. 145–146.

³ Момдзян К. Х. Введение в социальную философию. М.: Высш. шк.: КД «Университет», 1997. С. 27.

⁴ Маркс — Людвигу Кугельману, 12 октября 1868 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1964. Т. 32. С. 472.

фигуры. Например, с М. А. Бакуниным К. Маркс был знаком с 1844 года. Вот как вспоминает об этом Бакунин: «Однако никогда между нами не было полной откровенности. Наши темпераменты не выносили друг друга. Он называл меня сентиментальным идеалистом, и он был прав; я называл его вероломным и скрытным тщеславцем, и я был тоже прав»⁵. Не менее значимыми были отношения Маркса и Герцена, которого Маркс так же оценивал во многих случаях весьма негативно и критично, называя «социалистом на словах». Надо отдать должное: Герцен не оставался в долгу, называя последователей Маркса словом «марксиды»⁶, в котором распознается аллюзия со словом «гниды». В то же время Маркс симпатизировал многим российским революционным демократам (упомянем имена Лаврова, Чернышевского, Добролюбова, Засулич). Наибольшей симпатии здесь удостоился Лопатин, про которого Маркс пишет: «Он — единственный “солидный” русский из всех, кого я до сих пор встречал, а национальные предрассудки я скоро из него выбью»⁷.

Отношение к Марксу в России тоже было своеобразным. Власти императорской России начиная с 1844 года внесли Маркса в список лиц, которых предписывалось немедленно арестовать в случае приезда в Россию. Начиная с этого времени власть постоянно предписывала всячески бороться с коммунистическими идеями. В то же время некоторые теоретические работы Маркса, в первую очередь «Капитал», были пропущены цензурой (скорее всего, в силу невежественности) и издавались легально. В России уже в 1848 году была издана «Нищета философии», а в 1873-м — перевод «Капитала». Причем объявления о выходе переводов помещались в правительственных газетах.

Таким образом, мы видим, что и марксизм, и его основатель часто воспринимались в России через состояние увлеченности, доведенного до «влюбленности», что очень характерно в целом для российской интеллигенции. Однако именно это является и источником почти чувственного разочарования. В советский период весьма упрощенная и своеобразно интерпретированная версия марксизма была превращена в незыблемый канон и стала не только навязываемым сверху атрибутом любого обществоведческого исследования или учебника, но и основой официальной идеологии.

Идеология, возведенная в ранг всеобщей, нуждается в собственных символах и ритуалах, выступая по сути как мифология, сопряженная с художественной окраской тех символов, которые она конструирует. Для большинства людей она требует не знания, а веры в нее. Маркс был превращен в один из главных символов указанной идеологии, которая детализировалась в зависимости от времени и среза общественного сознания.

Можно привести много вариантов таких мифологических конструкций, но достаточно вспомнить миф

⁵ Муриков Г. Парадоксы Бакунина (К 200-летию М. А. Бакунина). URL: <http://www.topos.ru/article/ontologicheskie-progulki/paradoksy-bakunina-k-200-letiyu-ma-bakunina-0>

⁶ См.: Герцен А. И. Былое и думы: в 3 т. М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит., 1931. Т. 2. С. 399.

⁷ Маркс — Энгельсу, 3 августа 1870 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1964. Т. 33. С. 24.

о двух Марксах. С одной стороны, *Маркс официальный*, идеи которого широко пропагандируются и преподаются в школах и вузах. А с другой — *непрочитанный или неизвестный Маркс*, который не вписывался в марксистско-ленинскую идеологию. Философия этого периода признается относительно «*незрелой*», переполненной гуманистическими и экзистенциалистскими мотивами. Миф, разделяющий двух Марксов, был популярен в среде преподавателей и студентов. Знание «второго Маркса» стало неким признаком интеллектуальной свободы, *такого Маркса любили в среде гуманитарной интеллигенции*.

Настроения позитивного отношения к Марксу в свое время были блестяще прочувствованы Ю. В. Андроповым, когда он занял пост генерального секретаря в условиях некоторой опасности потери контроля над идеологией, точнее над той частью интеллигенции, которая должна была ее теоретически поддерживать. Главным смысловым тезисом популярной тогда программной статьи в журнале «Коммунист» был призыв «возвращения» к истинной научной социальной теории. Признавалось, что теоретическая база предшествующей идеологии не вполне соответствовала «истинному Марксу». И одновременно делался намек, что к власти пришли вполне разумные люди, которые знают истинного Маркса. Марксизм позже становится идеологической базой для реализации реформ в начальный период перестройки, когда заговорили о социализме «с человеческим лицом».

С начала 1990-х годов стало ясно, что строительство общества «с человеческим лицом» затягивается, а жизнь людей все более ухудшается. Необходимо было найти авторитетный персонаж, которого можно обвинять во всех грехах и неудачах. Удобнее, чем Маркс, фигуры для этого просто не существовало, и вчерашний Прометей становится идеологическим Франкенштейном. От любви переходят к ненависти. Изменяется содержание учебных курсов в университетах и даже школах, закрываются кафедры, переквалифицируются преподаватели. Один из самых поразительных феноменов начала 1990-х годов — едва ли не мгновенное (произошедшее буквально за несколько лет, а иногда и месяцев) превращение адептов марксистской философии, политической экономии и других в ученых и преподавателей, развивающих идеи, весьма далекие от марксизма, а в ряде случаев и активно отрицающих марксизм. Более того, едва ли не повсеместным становится тезис об ответственности Маркса и марксизма за все провалы российской экономики и проблемы общественной жизни.

Сегодня мы переживаем очередной виток «возвращения к Марксу».

Во-первых, оказалось, что именно в характеристике того капитализма, который реализуется в России, Маркс оказался во многом прав. Россия как бы вернула на арену миру образ раннего капитализма, со всем пороками, которые обличал Маркс. Его характерной чертой является нарастание имущественного неравенства, которое в условиях специфического российского олигархического капитализма приняло фантастические размеры.

Во-вторых, теория Маркса актуализировалась и на Западе, ибо после крушения социализма, произошло своеобразное возвращение к образцам классического капитализма, пусть и связанного ныне с новейшими технологиями, о которых Маркс не подозревал.

В-третьих, основой для возрождения интереса к марксизму стали провалы неолиберальной экономической политики. «Радикальный демократизм» европейского типа в России пробуксовывает. Люди устали от социальных экспериментов по моделям «чикагских мальчиков». То есть реальные противоречия общественно-экономической жизни начали создавать предпосылки для возрождения творчески переосмысливаемого марксизма.

Объективно оценивая теорию Маркса, необходимо помнить, что она является не только экономической и социологической концепцией, но и философской. Это означает, что к ней нельзя подходить с мерками только конкретно-научных теорий, смысловое пространство которых задается предметными рамками. Философская концепция не только включает компоненты рационального понимания мира, но и сопряжена с ценностными суждениями о нем. Здесь понятие истины не является доминирующим, а сам философский подход, по сути, есть рефлексия над предельными основаниями бытия, в том числе бытия социального. И в этом отношении теория Маркса — одна из наиболее глубоких рефлексий, касающаяся общества, человека, всей культуры в целом. Одновременно она есть продукт своей эпохи, то есть фиксирует в себе самосознание на определенной стадии развития культуры.

Как конкретная научная теория, концепция Маркса — это заведомо идеализированная модель, то есть гносеологическая интерпретация бытия, мира, реальных отношений. Она имеет огромное число истинных выводов. Но как теория Ньютона не использовала понятия пространственно-временного континуума или возможность предельной характеристики скорости света, так и классическая теория Маркса имеет целый ряд ограничений и работает в пределах определенных гносеологических предпосылок. Но если нам не приходит в голову обвинять в ложности теорию Ньютона, в силу того что нечто по-другому объясняется в теории Эйнштейна, в отношении теоретической модели Маркса это становится общим местом. Такова судьба всех социальных теорий, так как их выводы при практической реализации касаются общества и конкретных людей.

Как социальная теория, марксизм продолжает развиваться. Она во многом отвечает критериям научности, но, как и всякая теория, нуждается в коррекциях и дополнениях, имеет свои сильные и слабые стороны, содержит наряду с истинными, исторически верифицируемыми утверждениями ложные. Концепция Маркса постепенно становится частью общей интегральной социологической теории, представляющей собой относительно единое предметное пространство, границами которого могут выступать научные гипотезы Э. Дюркгейма, М. Вебера, П. Сорокина, Т. Парсонса и других, взаимодействуя и дополняя друг друга.

Можно выделить ряд идей Маркса, которые сегодня могут получить импульсы для своего развития. Прежде

всего это комплекс философско-антропологических идей, связанных с пониманием человека как существа, преобразующего мир. Кроме того, идея будущего интегрированного человечества, намеченная Марксом, причем выводимая из хода развития самого общества

и его необходимости выступать как единое человечество ради собственного самосохранения. Заслуживают внимания идеи Маркса об особой ценности человеческой личности, интересы которой могут стоять выше в том числе и классовых интересов.